

*Геннадий Берестнев
(Калининград)*

О НОВОМ КОРПУСНОМ СЛОВАРЕ СНОВИДЕНИЙ¹

Рассматривается проблема «пророческих» сновидений, в том числе вопрос о создании нового словаря сновидений, который должен включать в себя такие необходимые части, как их корпус и указатель их символических образов. Указатель позволит оперативно находить конкретные символические образы сновидений, производить их количественный анализ, сопоставлять с символическими формами культуры. Статьи предлагаемого словаря могут содержать информацию и относительно других сторон сновидений – познавательных, психологических, гендерных и др.

Ключевые слова: сновидения, семиотика, семантика, символ, когнитивная лингвистика, словарь, корпус, индекс, культура, количественный анализ.

Одна из наиболее ярких черт современной лингвистики, лежащей в русле когнитивной парадигмы, – ее обращение к новым объектам. То, что еще несколько десятилетий назад признавалось «нелингвистическим» (в лучшем случае рассматривалось с семиотических позиций), сегодня исследуется с безусловным привлечением языковых данных. Эта тенденция составляет продолжение экспансионизма когнитивной лингвистики – выхода в смежные гуманитарные дисциплины (теорию познания, психологию, культурологию, мифологию, этнографию и т.д.) с целью освоения их категориальных и терминологических аппаратов. В результате грани-

© Берестнев Г., 2013

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».

цы языкознания все более расширяются, и само оно обретает новые, ранее нехарактерные для него черты, в нем выделяются новые междисциплинарные направления.

Реализуя эту тенденцию, когнитивная лингвистика активно внедряется в проблемные сферы смежных наук и пытается дать новые ответы на давно стоящие перед ними вопросы. В этом сказывается вторая яркая черта когнитивной лингвистики — ее экспланаторность. Она обнаруживает способность предлагать глубокие объяснения явлениям не только языка, но и не собственно языкового порядка — познавательным, психологическим, культурологическим, относящимся к сфере религии, мифа, ритуала [ср.: 4; 5, с. 206 — 223].

Еще одна особенность современной когнитивной лингвистики — ее обращенность к функциональной стороне содержательных явлений. Благодаря ей в исследовательскую практику надежно вошли теоретические положения, выдвинутые еще Э. Кассирером, который считал необходимым сместить фокус внимания со структуры основных семиотических кодов культуры на их функцию. «Язык, искусство, миф, религии, — писал он, — не являются изолированными, случайными творениями. Они переплетаются общей связью. Но эта связь не есть *vinculum substantiale* "субстанциальная связь", как она понималась и описывалась схоластической мыслью; скорее, это *vinculum functionale* "функциональная связь". Базисную функцию речи, мифа, искусства, религии мы должны искать за их бесчисленными формами и выражениями, и в конечном счете, мы должны стремиться проследить их вплоть до их источника» [3, с. 99]. По сути, это признание того, что язык, искусство, миф, религия, ритуал находятся в особой функциональной близости друг к другу, их исследование должно осуществляться во взаимодействии, а данные, которыми располагает каждая из них, неизбежно будут полезными и для других дисциплин отмеченного ряда.

Новую объектную область для когнитивной лингвистики составляют «пророческие» сновидения. Это такие сновидения, в которых человеку открываются события непрогнозируемого будущего или нечто такое, что им непосредственно не воспринимается или не осознается (см. статьи И. Васильевой и А. Цветковой в настоящем выпуске журнала). Следовало бы уточнить, что речь идет о субъективном раскрытии будущего: так думает о пророческом сновидении сам его субъект. Представляется, что рассмотрение подобных сновидений с точки зрения глубинных познавательных способностей человека, так-

же проявленных в языке и других кодах культуры, может прояснить многое в этом загадочном и пока еще не получившем убедительного научного объяснения феномене.

Принципиально важную роль в этих условиях играет корпус пророческих сновидений. Он будет представлять собой собрание конкретных примеров, аналитическое рассмотрение которых позволит выявлять системные характеристики представленных в них образов, устойчивые образные модели, границы образной вариативности, их семантику и т.д. И от устройства этого корпуса будет зависеть оперативность работы с ним, возможность получения необходимых данных, их репрезентативность, надежность, глубокая содержательность. По сути, это будет особого рода «сонник», обеспечивающий надежные научные подходы к проблеме пророческих сновидений.

Создание подобных источников имеет чрезвычайно давнюю традицию. Согласно имеющимся сведениям, один из первых сонников был создан в Египте где-то в XVI—XI веке до н. э. Его основной задачей считалась помощь человеку в общении с богами и в проникновении в «иной мир», открывающий ему будущее. Эта же идеология лежала в основе ассирийского сонника, составленного примерно в I тысячелетии до н. э. Жители Ассирии также считали, что сны — это адресованные людям послания богов.

Толкование сновидений занимало важное место и в Античности, однако его цели были уже более земными. На его основе человек стремился узнать будущее, чтобы органично устроить настоящее, или узнать о скрытых процессах в собственном организме. Системное описание античного учения о сновидениях представлено в «Онейрокритике» Артемидора Далдианского (начало II века н. э.). Этот автор стремился сделать логику оценочного толкования сновидений предельно понятной, хотя такая задача и считалась трудной. По его словам, семантика сновидений индивидуальна и обусловлена в первую очередь культурными контекстами, ср.: «Заливные луга на пользу одним лишь пастухам, для остальных же они означают безработицу, а для путников препятствия, потому что эти луга бездорожны»; «Гестия и ее статуи означают для должностных лиц совет и поступление доходов; для простых людей — собственную жизнь; для правителя или царя — полноту их власти» [1].

Сонники подобного рода создавались и в более позднее время. Их общую структурную особенность составляло то, что сны здесь представлялись как отдельные образы или минимальные сюжеты (ср.: *видеть мышь, змею, цветы, стариков, поймать мышь, схватить змею за хвост, упасть в канаву, перепрыгнуть через канаву* и т.д.), а объяснения

мотивации в их толкованиях опускались. Лишь в отдельных случаях логика сна просматривается сама собой — ср.: «Сновидения, в которых появляются змеи, в целом считаются предупреждающими о приближении к вам зла в самых разнообразных его ипостасях»; «Сон, в котором вы видели птенца или несколько, означает, что в вашей жизни скоро начнется новый, более благоприятный период» [6]. Установка Артемидора на объяснение логики толкования сновидения была забыта.

Новую идеологию в создании сонников выдвинули Д. Лофф и З. Фрейд. Первый, следуя Артемидору, считал, что содержание образов сновидений обусловлено культурной средой, которой принадлежит человек, и его индивидуальными психологическими особенностями. Поэтому толкование сновидений — всегда спонтанный и индивидуальный процесс, и в каждом случае у него будет своя логика. Сонник же для Д. Лоффа — источник, показывающий лишь общий ориентир в толковании сновидений. З. Фрейд, наоборот, связал сновидения с созданной им теорией бессознательного и выдвинул ряд правил, направляющих толкование сновидений. В частности, содержательные истоки сновидений он определял в бессознательном, которое, в свою очередь, считал областью вытесненных из сознания эротических желаний. Связанные с ними образы представлялись в сновидениях метафорически по внешним основаниям: все протяженные объекты З. Фрейд ассоциировал с мужской половой сферой, а все вмещающие — с женской. Эта логика и легла у него в основу толкования сновидений. Однако в ряде случаев она оказывалась весьма затейливой и неубедительной. Так, согласно З. Фрейду, *длинные волосы* символизируют неуверенность в себе при половых контактах, и наоборот: *коротко остриженные волосы* или *наголо обритая голова* символизируют уверенность в себе; если *женщина расчесывает свои волосы*, то она сожалеет об упущенных возможностях, если *мужчина расчесывает свои волосы*, то он готовится к новому сексуальному контакту. Тем не менее З. Фрейд выдвинул и весьма продуктивные идеи относительно толкования сновидений с точки зрения языковой теории, которые сами по себе заслуживают серьезного внимания.

Словарь сновидений нового типа должен опираться на самые продуктивные установки предшествующих словарей такого рода. В частности, в его основе должна лежать мысль о том, что пророческие сновидения представляют собой одно из проявлений человеческой когниции, истоки которой лежат в бессознательном. В связи с этим признается и то, что бессознательное «говорит» с человеком в сновидениях посредством образов, которые составляют «код» бессознательного, язык, знаковой единицей которого выступает символический образ.

Этот язык отличается от естественного по многим параметрам. «Язык символов, — писал Э. Фромм, — это тот язык, который позволяет внутренний опыт, ощущения, переживания и мысли выразить в той же мере, что и события внешней реальности. У этого языка другая логика, отличная от той, которой мы пользуемся в повседневном общении, — логика, в которой главными категориями являются не время и пространство, но интенсивность и ассоциация» [8, с. 7]. Тем не менее символические содержания сновидений могут быть описаны посредством естественного языка, который в этом случае определится как язык их метаописания, а единицу научного интереса в этом случае составит символ.

В целом такой словарь станет открытым корпусом сновидений, в котором будут представлены не отдельные их символы, а целые сюжеты. Конкретные их примеры могут располагаться в произвольном порядке, но каждому будет присвоен номер. При этом описание сновидений должно представляться по возможности ближе к той форме, в какой они были изложены информантом. Такое их представление позволит проследить содержательные «фоны», относительно которых выступают ключевые символические образы сновидений, их трактовку самим субъектом, определяющиеся у них оценочные характеристики, особенности стиля описания, его синтаксис и т. д.

Важное свойство такой организации словаря — возможность его постоянной пополняемости. Вводимые в его состав новые примеры, не влияя на его структуру и концепцию, будут все более тонко вскрывать когнитивную специфику самого феномена сновидений. Так, единицы словаря могут иметь следующий вид (цифра в скобках перед описанием сновидения показывает его номер в словаре):

(77) Снится вода большая, когда кто-то умрет. Вот я расскажу. Перед смертью Валентины Михайловны А. мне приснился такой сон. Буквально это было... Она умерла 11-го, а 4-го или 5-го мне приснилось, что мы с ней почему-то на пляже, причем не море, а какое-то озеро. И она идет купаться. А я плавать не умею, и я не хочу как-то... И она меня позвала, позвала и потом туда ушла. А я остался на берегу, и у меня было неприятное ощущение, от которого я проснулся. Вот она и умерла.

(85) Еще про себя расскажу. Когда у меня, я знаю... впереди ожидают какие-то проблемы, их нужно решить. Любые: бытовые, даже духовые, нравственные — любые проблемы. Мне накануне обычно снится весь процесс родов — я рожаю. И вот если я легко это делаю, то вот моя проблема решается действительно легко. Вот. А бывает действительно я мучаюсь, я вот прямо переживаю всю ночь, даже вплоть до физической боли я ощущаю. Во сне я ощущаю роды, родовую боль... Иногда такое есть.

Необходимым элементом предлагаемого словаря будет указатель символов, фигурирующих в приведенных в нем примерах. Указатель будет организован по алфавитному принципу. Он может иметь примерно следующий вид (цифра означает номер сновидения в словаре):

<...>
РАЙ – 66
РЕБЕНКА ИМЕТЬ – 86
РЕКА – 68
РОДИТЕЛИ – 44, 46, 47, 49, 67
РОЖАТЬ – 85, 86, 90
СВАДЬБА – 70
СВЕТ ВИДЕТЬ – 33
СЕБЯ В ЗЕРКАЛЕ ВИДЕТЬ – 19, 74
СЛОНЫ – 55
<...>

Благодаря такому указателю далее возможно осуществлять несколько видов работ. Во-первых, оперативно находить конкретные примеры, содержащие тот или иной символический образ. Во-вторых, в нем уже исходно будут представлены группировки примеров, объединенные по тому или иному символу, в результате чего возможно, с одной стороны, делать приблизительный частотный анализ фигурирующих в сновидениях символических образов, а с другой — производить сопоставительный анализ этих образов с целью выявления их инвариантного ядра и границ вариативности.

Так, имеющиеся данные показали, что в 100 примерах пророческих сновидений наиболее частотными являются следующие образы: *вода* (9 случаев), *экскременты / публичное испражнение* (6 случаев), *нагота* (5 случаев), *умершие родители* (5 случаев), *беседа с умершими* (5 случаев). О чем говорят эти данные, покажут дальнейшие специальные исследования.

Что касается сопоставительного анализа символических образов сновидений и границ их семантической вариативности, то его эвристическая сила хорошо демонстрируется следующими двумя примерами:

Можно довольно точно сказать, что змеи мне снятся к неприятности.

Я после школы поступала в университет — не прошла по конкурсу, недобрала один балл. Уехала домой на Кубань. Сколько дней я там пробыла в расстроенных чувствах — не помню. И вот приснилась мне длинная змея. Я рассказала об этом сне бабушке-соседке: «Федоровна, к чему бы это? Никогда в жизни не снилась змея». Она тут же сказала: «Это к дороге». Я думаю: «Какая дорога, если меня не приняли? Только приехала домой, надо искать работу».

Буквально в этот же день пришла телеграмма о том, что меня зачислили кандидатом. Это меня просто поразило.

В первом примере образ змеи символически представляет семантику неприятности, негативности событий, во втором знаменует дорогу, поездку в другой город. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в первом случае речь идет о множестве змей, а во втором — об одной змее. Еще предстоит выяснить, имеет ли количественный параметр в символическом языке сновидений смыслозначительный характер, влияет ли он на семантику символа — или данные примеры уникальны в указанном отношении. В этой связи можно выдвинуть еще одно предположение. Образы змеи, метафорические по своей когнитивной природе, могут быть истолкованы в разных контекстах по разным основаниям: «злость» и «внешняя протяженность». Точно так же языковая метафора *золотой* может выражать признаки «желтого цвета с блеском» (*золотые волосы*) и «ценный» (*золотые руки*), метафора *свинцовый* может иметь в основании признак «серого цвета» (*свинцовое небо*) и «тяжелый» (*свинцовые ноги*).

В-третьих, указатель к корпусу сновидений позволит оперативно сравнивать их образы и символические формы культуры с целью выявления знаковой специфики тех и других, сходств и различий в их семантике, механизмов символизации и т.д. Проиллюстрируем это обстоятельство следующим примером:

Уже после смерти приснился мне муж: красивый такой, в черном костюме. Говорит: «Я купил дом. Красивый. Пойдем посмотрим, тебе понравится».

Я посмотрела: красивый дом, палисадник и все такое... Он подвел меня к приступочкам, приглашает войти в дом, а мне не хочется, я отказываюсь. Тогда он мне говорит: «Пойдем, посмотрим со двора». Мы пошли за дом, там такая арка, а в арке стоит лежак — что-то вроде топчана. Доски настелены, словом. Он говорит: «Ложись, полежи». А мне так не хочется. Я говорю: «Да ну тебя! Когда достроишь, тогда приду».

Я проснулась, думаю: к чему мне это приснилось? А днем у меня был сильный сердечный приступ и головные боли — мне нитроглицерин нельзя принимать. Дня два болела.

В этом сновидении ключевую роль играют образы дома и палисадника. Они выступают как семантические эквиваленты таких символических форм культуры, как *храм* и — шире — *мандала*. Согласно наиболее распространенной точке зрения на семантику этих образов, они знаменуют собой мироздание, существующий в мире порядок, космос. «Храм зачастую строился, — писал по этому поводу Г. Бидерманн, —

исходя из космологических представлений о Вселенной и образно воспроизводит мировой порядок» [2, с. 288]. Еще более отчетливо эту идею воплощает мандала, представляющая собой специальную графическую модель мира [7]. Во всех случаях такого рода моделируется «этот» мир, та данность, в которой находит себя ж и в у щ и й человек. В контексте же сновидения дом и палисадник символизируют космос умершего человека — потусторонний мир, в котором он пребывает после смерти. В этой связи приглашение остаться в доме (в «культурном пространстве потусторонности») может пониматься как приглашение в мир мертвых. Определенно значимы в этом плане также мотивы недостроенности дома и отказа субъекта сновидения остаться в нем. В любом случае рассмотрение данного сюжета и его ключевых символов в отношении к символическим формам культуры оказывается весьма продуктивным в плане выявления его семантической организации.

Представленные в подобном словаре субъективные описания сновидений могут содержать самую неожиданную информацию, значимую в исследованиях, имеющих не собственно языковой характер и связанных с языкознанием отношениями междисциплинарности. Так, они позволяют увидеть интуитивность приходящего к человеку оценочного знания по поводу будущего — ср.:

Я могу проснуться с ощущением приближающейся беды, а иногда и без этого чувства, даже если сон был странным, необычным.

Подобные суждения уже по поводу пророческих сновидений и «сновидческого» опыта информантов — объект особого интереса. Эти суждения должны стимулироваться особыми вопросами к информанту. Они позволяют делать определенные обобщения психологического и гендерного характера. В частности, благодаря им обнаруживается, что женщины видят пророческие сновидения чаще, чем мужчины, уровень образования лица, видящего пророческие сновидения, не имеет значения, также в этом вопросе, в принципе, не имеет значения возраст «сновидца». Предлагаемый словарь-тезаурус пророческих сновидений, включающий дополнительную информацию о субъекте сновидения, способен внести дополнительную ясность и во многие другие вопросы.

Список литературы

1. *Артемидор Далдианский*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%F0%F2%E5%EC%E8%E4%EE%F0_%C4%E0%EB%E4%E8%E0%ED%F1%EA%E8%E9 (дата обращения: 20.02.13).

2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке // Человек. 1990. №3.
4. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее научный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53, №2.
5. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
6. Миллер Г. Х. Сонник. URL: <http://www.sunhome.ru/dreams/21> (дата обращения: 20.02.13).
7. Топоров В. Н. Мандала // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
8. Fromm E. The forgotten language. N. Y., 1951.

Gennady Berestnev

ON A NEW CORPUS DICTIONARY OF DREAMS

This article addresses the problem of “prophetic” dreams. It considers the issue of compiling a new dictionary of dreams, which should contain such necessary elements as a corpus and an index of its symbolic images. The index will help perform the following: easily find certain symbolic dream images, conduct their qualitative analysis, and compare them with symbolical forms of culture. The articles of the proposed dictionary can contain information on other aspects of dreams – cognitive, psychological, gender-related, etc.

Key words: *dreams, semiotics, semantics, symbol, cognitive linguistics, dictionary, corpus, index, culture, qualitative analysis.*